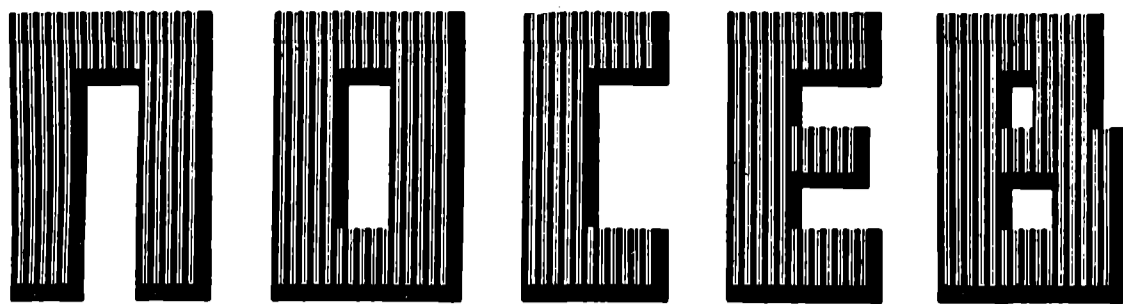

ГОД ИЗДАНИЯ XIII
№ 30 (585)ВОСКРЕСЕНЬЕ
28 ИЮЛЯ 1957ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 13 - Nr 30 (585)

Russische Wochenzeitung - POSSEV-Die Aussaat - Frankfurt M., Merianstr. 24 a

Sonntag 28. 7. 1957

Реакция мобилизуется...

Террористическая линия связывания независимых писателей с „партийными фракционерами“

После выпуска нескольких «пустых» номеров, что объясняется растерянностью редакции от всей июньской кутерьмы на верхах КПСС, «Литературная газета» снова «нашла» свою линию.

В номере от 23 июля газета печатает «установочный» материал по вопросу отношения партии к литературе и дальнейшей борьбы с «идеологическими извращениями» в литературе.

К этому материалу прежде всего относятся передовая «Партийность литературы», которая — судя по ее стилю, схематичности и полной безликости — несомненно продиктована или, может быть, самолично написана одним из новых руководителей идеологического ведомства

ЦК КПСС (возможно, Пospelовым). Кроме того, в номере дана подборка выдержек из местных литературных газет с самыми ортодоксальными высказываниями в защиту партийности литературы, и напечатана большая уничтожающая статья о журнале «Молодая гвардия», который, оказывается, повинен в грехе отступничества еще больше, чем «Новый мир» и «Литературная Москва».

Основная установка: весь огонь на «ревизионистов» и «нигилистов» с привязыванием их к «антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова». Таким образом, речь прямо идет о террористической линии в отношении непокорившихся писателей.

*

Передовая «Партийность литературы» кончает с легализацией суждений о ждановщине. «Постановление ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» — ставит точки над и передовая — определило боевую программу действий советских писателей, указав на необходимость руководствоваться высокой идейностью, осудив произведения аполитичные и безыдейные, искажающие советскую действительность».

Такой же категорический удар кулаком по столу и в отношении социалистического реализма: «В пределах социалистического реализма существует многообразие жанров и форм... но отход писателя от социалистического реализма означает в наших условиях (выделено нами. — Ред.) отступление от правды жизни, ведет к искажению действительности. История советской литературы наглядно показывает, что это неизбежно приводит к грубым ошибкам и заблуждениям».

Передовая констатирует, что «до сих пор появляются... такие произведения, которые никак не служат делу коммунистического воспитания трудящихся... рисуют искаженную картину нашей действительности», что среди литераторов есть «любители раздувания теневых сторон жизни ради натуралистического смакования всяческих отрицательных явлений». Примером «порочной практики» приводится «Новый мир», «Литературная Москва» и журнал «Москва» (о последнем см. в сегодняшнем номере «Посева» — Ред.), напечатавшие «немало произведений, в которых явно проявились тенденции нигилизма и ревизионизма».

Дальше идет место, ради которого собственно и написана передовая:

«Как показали итоги июньского пленума ЦК КПСС, некоторые путанные и неверные установки в теории и практике литературы навязывались участниками антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова. Так, немалый вред развитию литературы принесли вульгаризаторские утверждения Маленкова о типическом, взятые из сомнительного источника. Так, демагогически обвинял в национализме хороших украинских поэтов Каганович. Выступления Шепилова по вопросам литературы и искусства отличались либеральной «оптекаемостью» и беспринципно примиренческим отношением к явно нездоровым явлениям в этой области.

Подборка выдержек из местных лите-

ратурных газет дает дополнительную иллюстрацию к этому положению: «Каганович во время пребывания на Украине в 1947 году под видом борьбы с национализмом безосновательно обвинял многих честных представителей украинской культуры, причинив немало вреда делу идейного развития всей нашей культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме. Каганович, извратив стихотворение М. Рыльского «Я — сын Страны Советов», назвал выдающегося украинского советского поэта и ученого петлюровцем, объявил, будто М. Рыльский воспекает петлюровскую Центральную раду... Каганович угрожал некоторым писателям младшего поколения, пытаясь принудить их выступить с обвинениями старших товарищей-писателей в национализме... Эти преступные действия создали дополнительные трудности для развития советской литературы на Украине в послевоенный период и, бесспорно, сыграли свою низкую роль».

Создание этой искусственной мешанины из самодурства Кагановича, вульгаризаторских утверждений Маленкова о типическом (сделанных, кстати, в отчетном докладе ЦК КПСС на XIX съезде партии и, следовательно, являвшихся установкой партии), либеральной обтекаемостью речей Шепилова по вопросам искусства — преследует цель террором сломить волю независимых писателей, что хорошо уловил некий украинский писатель Борис Палийчук, заявивший в украинской «Литературной газете»: «Кое-кто из тех, кто ошибался, теперь ясно видит, кому выгодны их ошибки, кому на-руку их шатание, их нестойкость, то, что выгодно антипартийной группе, не может быть полезно народу, ибо вся линия раскольников порочна и антинародна».

Статья о журнале «Молодая гвардия» — она называется «Так ли надо воспи-

тывать молодежь?» — в самом своем начале кончает с идиллией «единства советских писателей», признает факт размежевания. Говоря о молодежи, статья заявляет, что «она должна знать, что не в идиллическом согласии всех писателей — от Пильняка до Шолохова, от Мандельштама до Маяковского — росла и набирала силу советская литература, а в ожесточенной борьбе за утверждение метода социалистического реализма...»

В подборке выдержек из местных литературных газет факт размежевания утверждает и азербайджанский писатель С. Рагимов: «Мы не хотим создавать единства на зыбкой основе, смешивая воедино здоровое с гнилым... Мы хотим содержать в чистоте от вредных сорняков, колючих чертополохов цветущий и благоухающий сад советского искусства. Мы сторонники не самовольничанья в литературе, а организованности...»

Утвердив факт размежевания, статья «Так ли надо воспитывать молодежь?» перешла к разносу авторов критических статей в журнале. Критик В. Кардин в своих статьях, оказывается, вывел, что «обывателями» являются «партийные работники — и не в силу излишней приверженности к домашнему уюту или ограниченности своих запросов и интересов, а уже в силу одного того, что они в меру своих способностей выполняют директивы и решения партии, борются за выполнение планов». Более того, «В. Кардин стремится доказать в корне ошибочную мысль, будто такие люди вообще ничего общего не имеют с народом, враждебны ему — на подобие господ старых времен».

Газета выходит из себя, цитируя высказывание В. Кардина о будущем герое литературы: «освобожденный от цепей схоластической предвзятости, он выявляет себя, свое подлинное „я“, свою способность постичь многообразие человеческих отношений, никогда не укладывающихся в рамки азбучных правил». «Но ведь это же — надрыдается в гневе «Литературная газета» — типичный герой-индивидуалист, воспеваемый декадентской литературой прошлого, герой-одиночка».

Партийные скорпионы сыплются на голову критика В. Кардина и за то, что он, споря со статьей известной партприхлебательницы Г. Николаевой, «не верит ни в то, что в нашем обществе заложены все возможности для «стремительного взлета», ни в то, что этот взлет может осуществиться «в короткие сроки» (подчеркнуто в оригинале. — Ред.), приравнивает возможности, о которых болтает Г. Николаева, к «фантазмагории».

Заметив, что критические статьи В. Кардина ничего, «кроме сомнений, скепсиса, индивидуалистических настроений», не могут порождать у читателя, и

что они «идут вразрез с основными задачами советской литературы», газета в панике отмечает, что «вообще... критики журнала вслед за Кардиным много говорят о потребностях личности, ее «нормальных желаниях».

Достается и критику Л. Жуховицкому за то, что не понимает, что хорошо, а что плохо. Этот критик, например, в восторге от курской поэтессы Н. Григорьевой, которая в действительности «принципы советской морали... понимает крайне односторонне и недостаточно глубоко». Л. Жуховицкий цитирует как пример враждебного отношения поэтессы ко всякому ханжеству и лицемерию следующие строки из поэмы Григорьевой, в которых речь идет о молодой матери, оставшейся без мужа:

...однажды ты рванулась к ласке,
Вдруг поверив, что она навек...
И никто судить тебя не властен
В этом, одинокий человек.

То, что Л. Жуховицкий похвалил эти в сущности весьма безобидные, интимные строчки из поэмы, привело в неистовство партийную газету. «Дескать, — с ядом замечает газета, — «одинокий человек» «рванулся к ласке» и никому до этого нет дела. Но ведь коммунистическая мораль — это утверждение больших человеческих чувств» и т. п.

Критик В. Соколов обвиняется в том, что «ратует за изображение «рядового» человека, непременно «рядового». «Трудно всерьез, да и не к чему — фальшивит газета — полемизировать с такого рода точкой зрения, согласно которой образование, талант, то или иное служебное положение отрывает человека — даже будь он инженером! — от народа, от «создателя материальных ценностей». Газета тут явно вертится, не желая и боясь сказать, об отрыве какого слоя от народа ведет речь критик.

Назвав неудобные власти произведения, печатавшиеся в «Новом мире», «Литературной Москве» и в других изданиях, «яростной атакой» (подчеркнуто нами. — Ред.) на самые основы нашей литературы, на ленинский принцип партийности литературы, на метод социалистического реализма, газета жестоко упрекает «Молодую гвардию» в том, что она по отношению к этому явлению сделала «фигуру умолчания». Это выражение переключается с «подвигом молчания», за который бешено нападал на независимых писателей на третьем пленуме правления Союза писателей Соболев.

В заключение газета почти прямо призывает к «оргвыводам» в отношении члена редколлегии журнала «Молодая гвардия» по отделу критики А. Туркова, находя «не случайным», что «в журнале... под знаком борьбы с «догматизмом» и «ханжеством» ставились под сомнение многие положения нашей литературы, многие наши принципы объявлялись «тривиальными сочетаниями», утверждая, что дело — в «позиции редакции». Особенное негодование газеты вызывает то, что А. Турков в одном из своих выступлений подвел «теоретическую базу под ложные тенденции», прибегнув к образу, из которого-де вытекает, что писатели, чьих произведения подверглись наскокам партийной критики, оказываются людьми «вырвавшимися вперед» (подчеркнуто нами. — Ред.)...

*

«Предмет спора» показывает, какими глубочайшими думами-идеями охвачена ныне лучшая часть нашей интеллигенции. Только духовные пигмеи типа Хрущева могут думать, что они в состоянии победить разливающийся по стране дух свободы «оргвыводами» и угрозой террора.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Л. Сергеева. Новая обстановка. — Лев Дубравин. Скандал в благородном семействе (фельетон). — В. Кунгурцев. Производство для народа — на последнем месте. — Г. Майцев. Кризис общеобразовательной школы. — Н. Хохлов. Право на совесть. — Н. Майер. Машины и люди. — Б. Крестинский. Кооперация и будущая промышленность. — А. Н. Ионьский раскол и внешняя политика КПСС. — Е. Андреевич. «Пакт» со сталинистами стран «народной демократии». — Е. Евгеньев. Новая тактика британских коммунистов.